

РОМАН ГРАНИН

ПОЭТИКА ЭМИЛЯ ЧЁРАНА

(В трех томах)

Том I
Деконструкция [автора]

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 821.135.1
ББК 84Рум5+87.3
Г77

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена каким-либо
способом без согласования с издателями.*

Научные рецензенты:

*Марков Александр Викторович, доктор филологических наук,
профессор Российского государственного гуманитарного университета;*

*Кусжанова Ажар Жалелевна, доктор философских наук,
профессор Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации;*

*Иваненков Сергей Петрович, доктор философских наук,
профессор Санкт-Петербургского государственного института
психологии и социальной работы.*

Гранин, Р.

Г77 Поэтика Эмиля Чёрана. Том I. Деконструкция [автора]. — М.: Тотенбург, 2025. — 296 с.

Первая книга трехтомного исследования «Поэтика Эмиля Чёрана», озаглавленная «Деконструкция», представляет собой масштабное философско-филологическое погружение в генезис чёрановского письма. Через антропонимический, текстологический и поэтический анализ прослеживается становление и распад авторского «я» Чёрана, начиная с этимологии имени и фамилии, через корпус румынских текстов — к формированию уникального стиля фрагмента. Особое внимание уделено «румынскому пятикнижию» 1930-х годов, периоду парижского письма на румынском языке (1940–1944), письмам и черновикам. На философском уровне исследуются такие ключевые категории, как декомпозиция, фрагментация, негация, лиризм, молчание и «этнос частного мыслителя» (нем. Privatdenker). Чёран предстает как фигура, ускользающая от публичного дискурса, как автор, пишущий на грани невозможности письма. В центре внимания — поэтика отчужденного субъекта, утраченного голоса и этики самоотказа. Анализируется структура авторского «я», его трансформация в письме, фигура «человека из подполья», модель Иова и феномен акедии. Книга сочетает в себе методы генетической критики, дискурс-анализа и философской герменевтики, предлагая первый в русскоязычном контексте комплексный анализ румынских текстов Чёрана в единой перспективе его позднего французского письма.

**УДК 821.135.1
ББК 84Рум5+87.3**

© Р. С. Гранин, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9
ВВЕДЕНИЕ	11
Степень разработанности темы исследования.....	15
Методологические стратегии исследования.....	19
ГЛАВА I. ЭМИЛЬ [М.] Ч[Ё]РА́Н: АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	22
1.1 К генеалогии рода.....	22
1.2 О латинском имени Эмиль	26
1.3 Этимология фамилии: почему допустимо и предпочтительно написание Ч[ё]ра́н через безударную «ё»?	27
1.4 О пустом знаке инициала «М»	33
ГЛАВА II. КОРПУС РУМЫНСКИХ ТЕКСТОВ ЭМИЛЯ ЧЁРАНА. РУМЫНСКОЕ ПЯТИКНИЖИЕ	36
2.1 Чёран в контексте литературно-политической жизни Румынии 1930-х	36
2.1.1 «Откровения боли» [статьи 1932–1940 годов]: «Поколение '27».	36
2.1.2 «На вершинах отчаяния» (1934): автор-самоубийца как лирический герой	58
2.1.3 «Книга иллюзий» (1936): против мира — против себя.....	67
2.1.4 «Преображение Румынии» (1936): быть румыном — от истерики к воплю. Путь legionera.....	71
2.1.5 «Слезы и святые» (1937) — исповедь, потерпевшего неудачу мистика	80

2.2 Текст-фронтир — от румынского к французскому: румыноязычные тексты, написанные в Париже (1940–1944).....	100
2.2.1 «Сумерки мыслей» (1940): Отрицательная метафизика и нигилистическая лирика.	100
2.2.2 «Из Франции» [Черновик, 1941]: превращение и признание	104
2.2.3 «Бревиарий побежденных» [Черновик, 1940–1944]: последнее румыноязычное произведение Эмиля Чёрана.....	109
2.2.4 «Эпистолярная мания»: письма родным и близким, тем, кто остался дома	121
ГЛАВА III. ПРОЛЕГОМЕНЫ К ПОЭТИКЕ	
ЭМИЛЯ ЧЁРАНА.....	131
3.1 Фрагмент (фрагментарное письмо, определения и проблемы).....	131
3.2 Декомпозиция	136
3.2.1 Разрыв с бытием.....	140
3.2.2 Разрыв со временем	140
3.2.3 Негация	145
3.2.4 Незнание	148
3.2.5 Фрагментация дискурса	152
3.2.6 Интертекстуальность.....	157
3.2.7 Лиризм и молчание.....	160
3.2.8 Стиль и инсценировка отказа от него	163
3.3 Этос частного мыслителя	166
3.3.1 Этос	166
3.3.2 Частный мыслитель [нем. Privatdenker].....	169
3.3.3 Этос частного мыслителя у Чёрана.....	173
3.3.4 Privatdenker vs Professor publicus ordinarius....	176
3.3.5 Иов как образец частного мыслителя	178
3.3.6 Прыжок веры, прыжок в абсурд.....	180
3.3.7 Частный мыслитель и его читатель.....	181

3.3.8 Частный мыслитель: между Афинами и Иерусалимом.....	184
3.3.9 Частный мыслитель: искусство быть непонятым	185
3.3.10 Голос частного мыслителя.....	191
ГЛАВА IV. КОНСТРУИРОВАНИЕ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ АВТОРСКОГО «Я»	
4.1 Раскрытие «я» в юношеских произведениях Чёрана.....	193
4.1.1 Субъективность и лиризм «я»	193
4.1.2 Фрагментарность и лиризм	196
4.1.3 Жалость к себе в тексте «На вершинах отчаяния».....	198
4.1.4 Самоирония как форма дистанцирования от «я»	199
4.1.5 Бессонница как форма самоотчуждения.....	202
4.1.6 Через субъективность к универсальному	204
4.1.7 Лирическое восхождение «я»	205
4.2 Рождение авторского «я» Чёрана.....	210
4.2.1 Разоблачение «я»	210
4.2.2 Язык как пространство между расширением и удушением «я»	213
4.2.3 «Самоубийство автора» [Чёрана] как частный случай [«частного мыслителя»] «смерти автора» [Ролана Барта]	216
4.2.4 Субъективное и интимное «я» в языковом переходе.....	219
4.2.5 Физиология «я»: тело и фрагментарность	222
4.2.6 Пространства интимного.....	226
4.2.7 География «я»: прогулка и фрагмент.....	227
4.2.8 Ландшафты бессонницы	229

ГЛАВА V. ЛИТЕРАТУРНЫЕ АВАТАРЫ:	
ТРОГЛОДИТ, ИОВ, «ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДПОЛЬЯ»	235
5.1 Акедия	235
5.1.1 Литературные образы «частного мыслителя». «Фигуры отречения»	235
5.1.2 Образ отшельника. Полуденный демон и акедия	238
5.1.3 От больного духа к больному письму.....	243
5.1.4 Акедия: от самоуничужения к гордыне.....	247
5.1.5 Письмо как молитва	249
5.2 Архетип троглодита и фигура «человек из подполья».....	252
5.3 Модель Иова	257
5.3.1 Интерпретации	257
5.3.2 Иов: от символа исключительного страдания к фигуре уникального существования...258	
5.3.3 Крик, молчание, вопль — проблема выражения	261
5.3.4 Иов и экзистенциализм	263
5.3.5 Иов без проказы и Бога	265
5.3.6 Истощение отчаяния.....	269
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	271
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	273

ОБ АВТОРЕ

Гранин Роман Сергеевич родился в 1983 году в Таллине. Закончил Московский физико-технический институт (2008) и аспирантуру Института философии РАН (2011). Защитил кандидатскую диссертацию по истории философии «Эсхатология в учениях русских религиозных философов второй половины XIX — первой половины XX века» (2014). Автор более ста семидесяти публикаций, в том числе монографий «Аналитическая эсхатология» (2019), «Эсхатологические исследования в России XXI ве-

ка: аналитический обзор» (2017), «Эсхатология как феномен русской религиозно-философской метафизики» (2016). Старший научный сотрудник ИНИОН РАН (2015–2023). Заместитель главного редактора Международного теоретического журнала «Credo New».

Автор первой русскоязычной монографии о биографии Чёрана: «Эмиль Чёран: приближение к ускользающему философу» (2024).

Переводчик Эмиля Чёрана с румынского и французского языков:

Чёран Э. На вершинах отчаяния / пер. с рум. Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025. — С. 176;

Чёран Э. Преобразование Румынии / пер. с рум. и фр. Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2024. — С. 352;

Чёран Э. Из Франции / пер. с рум. и фр. Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025 [в публикации];

Чёран Э. Черный дневник (1957–1972). Издание в четырех томах. Том I (1957–1964) / Перевод с французского Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025. — С. 382;

Чёран Э. Черный дневник (1957–1972). Издание в четырех томах. Том II (1965–1967) / Перевод с французского Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025. — С. 438.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Композиция настоящей книги сознательно лишена «красивой» традиционной симметрии, академически выверенного равновесия между главами и параграфами. Структура — не классическая архитектура текста, но фрагментарный организм, в котором каждая часть обусловлена не внешней схемой, а внутренним движением мысли. Порядок развертывания материала диктовался не предварительным планом, а логикой самого Чёрана — точнее, ее отсутствием как развернутого дискурса и ее наличием как последовательного отказа от нарратива. Здесь каждая последующая глава приводила к переписыванию предыдущей (принцип переписывания и палимпсестности), будущее обуславливало прошлое, как если бы текст разворачивался вспять, по траектории отката, реверса, срыва. Некоторые части состоят из одной главы, отдельные параграфы — из одного подпараграфа или лишены таковых. Есть параграфы, изобилующие эпиграфами — цитатами из Чёрана, насыщающих контекст; в других — эпиграфы отсутствуют вовсе, что создает ритм пропусков, белых пятен, зазоров. Такая «декомпозиционная» структура — не просто стилистический жест, но попытка подражания (часто перестояющая быть осознанной) самой природе чёрановского письма: его фрагментарности, его ритму сбоя и повтора, его отказу от завершенности. Так строится не система, но карта напряжений между темами, формами и идиомами (языками). В этом смысле структура книги становится метакомментарием к поэтике Чёрана, к его разложенному стилю, где форма всегда отступает перед состоянием, а логика подчинена кризису.

Форма исследования, таким образом, не нейтральна: она вплетена в ткань чёрановского письма — следуя его деконструктивной логике, она становится продолжением и отражением того, о чем говорит. Не иллюстрация, но миметическая соотнесенность. В этом — не только жест верности предмету, но и способ чтения, который принимает саму невозможность окончательного высказывания как условие понимания. Таким образом, деконструкция становится не просто методом анализа, но и организующим принципом исследования. Текст не просто говорит о фрагментарности — он сам превращается в ее воплощение, в тело, состоящее из разрывов, повторов и смысловых сдвигов. Это не книга о Чёране — это книга, которая пытается быть Чёраном.

ВВЕДЕНИЕ

Поэтика Чёрана — декомпозиция.

Перед читателем — первый том книги, вобравшей в себя не только биографические и библиографические контуры творчества Эмиля Чёрана, но и интеллектуальную археологию его стиля, его авторского «я», его метафизической борьбы с языком и с самим собой. Это не просто исследование одного из самых парадоксальных мыслителей XX века — это попытка выстроить карту его внутреннего ландшафта, переходящего от кровнорумынского к вымороченно-французскому, от крика к молчанию, от иллюзии формы — к декомпозиции самого письма. Текст книги движется в той же логике, в какой разворачивается мысль Чёрана: от интенсивности к истощению, от исповедального к фрагментарному, от субъекта к его исчезновению. Это не просто интеллектуальная биография или философская реконструкция, но попытка проследить, как из небытия возникает голос, чтобы затем снова в нем раствориться. Книга делится на четыре масштабные части, охватывающие весь путь Чёрана — от раннего румынского периода до последних страниц его «белого», «нулевого» письма (Жорж Батай), исчерпавшего и стиль, и голос, и самого автора.

В первом томе (из трех) книги раскрывается румынский период (1932–1937/1944) Чёрана как молодого мыслителя, еще подчиненного исторической и культурной конкретике, но уже зараженного метафизическим отчаянием. Подробный анализ его румынских текстов («Румынское пятикнижие») — от экспрессионистских откровений юности до трагически противоречивого политического радикализма — показывает юношу, полного экзальтации,

лирического надрыва, стремления к национальной транс-
фигурации и в то же время к личному исчезновению
из румынства. Этот том — не только документ эпохи, но и
пролог к внутренней катастрофе: переосмыслению себя и
своего языка в эмиграции — внутренней экзистенциальной
эмиграции во французский язык.

Раскрывается философско-поэтическое измерение
чёрановского письма. Понятие «частного мыслителя»
(нем. *Privatdenker*, — как сам себя называл Чёран) оказы-
вается ключом к его стилю и методу — письму без инсти-
тута, без системы, без адресата. Фрагмент, отказ от «я»,
эстетика молчания и иронии, афоризма и парадокса — все
это свидетельства внутреннего движения не столько
в философии, сколько к разрушению самих оснований
мысли. Здесь Чёран вступает (пусть и в виртуальный)
в полифонический диалог с традицией: с Бахтиным и Бар-
том, с Йовом и «человеком из подполья» Достоевского, и
при этом остается принципиально непонятым — так,
как того требует его собственная поэтика. Здесь осуществле-
на деконструкции автора: исследуется философско-
поэтическая структура чёрановского письма — от ниги-
листического лиризма до фрагментации дискурса; краха
субъективного «я» и новой лиричности в «литературных
аватарах». Раскрывается уникальный этос (контекстный
голос) Чёрана: отвергнувший академический мир, он кон-
струирует парадоксальный стиль отказа, молчания, не-
знания. Это не просто критический аппарат — это фило-
софская топография боли, бессонницы и самоуничто-
жающейся субъективности.

Во втором томе анализируется первый французский
период (1949–1956) — рождение и развитие французско-
го Чёрана, его языковая трансгрессия и ментальная
трансмутация, когда Чёран меняет «рубашку Несса» ру-
мынства на «смирительную рубашку» французского язы-
ка. Французский становится для него одновременно осво-

бождением и тюрьмой, стилем и его утратой. «Крик» и «молчание» обретают здесь статус категорий, определяющих не жанр, а состояние письма. Ключевой для всего творчества Чёрана является его первая франкоязычная книга «О разложении основ» (1949). Она анализируется как пограничное произведение: между жизнью и письмом, между голосами и безгласием. Генезис текста, архив, почерк, черновики, мелодика — все свидетельствует о болезненной сосредоточенности Чёрана на теле языка, его изъянах и прозрачной чистоте. Акцент при анализе делается на лингвистическую трансмутацию Чёрана, на рождение его нового стиля — напряженного, афористического, исполненного отчаяния и жеста. В тексте «О разложении основ» язык и телесность, мелодика и крик, стиль и его крах сливаются в грандиозный пограничный текст. Исследуется его происхождение: «генетическое досье», контекст и предтекст, а также повествовательный модус — полифония текста: многоголосие суицидального, деконпозиционного (голос разложения) и коррупционного (растленного) голосов.

В третьем томе фиксируется второй французский период (1960–1987) как пространство окончательной деконпозиции стиля. Здесь Чёран доходит до молчания, до предельной иронии и белого письма, до отказа не только от философии, но и от языка как такового. Деконпозиция становится уже не приемом, а судьбой. Стиль отказывается от себя самого, текст — от завершенности, автор — от имени. Его «Черный дневник» (1957–1972), впервые изданный посмертно (1997), становится не просто автобиографическим документом, но краеугольным камнем всей его поздней поэтики: стилем без стиля, текстом-фронтиром между мыслью и немотой. Исполненный размытых границ и следов забвения, он оказывается зеркалом философии конца: конца мысли, конца стиля, конца языка. Чёран больше не автор, не мыслитель, не свиде-

тель — он место отсутствия, пустота, вокруг которой вращаются слова, больше не принадлежащие никому.

Наша книга — не биография и не литературоведческая монография в традиционном смысле слова. Это опыт философской деконструкции автора, субъективного и страдающего, мыслящего на грани бездны. Чёран предстает здесь в образе «человека из ниоткуда», отшельника современности, троглодита культуры, воплощения фигуры «Иова без Бога» и без утешения. Его письмо — это вопль, ставший фрагментом, и фрагмент, ставший молчанием. Поэтика Эмиля Чёрана — это не набор формальных черт или идей, а опыт внутреннего распада, пережитого через письмо. Деконструкция автора, генезис текста, композиция стиля — три момента одного и того же процесса: процесса медленного, мучительного исчезновения субъекта в языке, языка в молчании. Мы попытались зафиксировать это исчезновение — не чтобы его преодолеть, а чтобы, напротив, остаться с ним наедине. Слово Чёрана — это всегда предел: предел мысли, предел формы, предел высказывания. И в этом — его актуальность, его безмолвная современность, его поэтика как акт последнего сопротивления. При этом, на наш взгляд, как это ни парадоксально, не смотря на стилистическую фрагментарность, отличительной чертой поэтики Чёрана является ее целостность. Настоящее издание призвано не только реконструировать путь Чёрана — но и показать, как этот путь становится метафорой письма в XX веке: письма как формы отчаяния, изгнания и, быть может, — последнего этического жеста.

Степень разработанности темы исследования

Степень разработанности темы. Творчество Эмиля Чёрана (1911–1995) занимает уникальное место на пересечении философии, литературы и интеллектуальной автобиографии XX века. Невозможность строго определить его жанровую и концептуальную принадлежность — один из парадоксов, который одновременно затрудняет и обостряет исследовательский интерес. Вне философских систем, вне национальной идентичности, вне «литературы» как института — Чёран строит свою мысль как отказ, стиль как кризис, текст как эпистемологическую неуверенность. Его произведения существуют в промежутках: между исповедью и эссе, между афоризмом и фрагментом, между свидетельством и утаиванием. Настоящая работа сосредоточена на исследовании поэтики Чёрана как системы переходов и отказов — от «автора» к безличному писанию, от цельного текста к фрагменту, от стиля как выражения к стилю как разложению. Выбор фокуса на деконструкции автора, генезисе текста и декомпозиции стиля обусловлен самой природой письма Чёрана, в котором разрушение субъекта, сомнение в языке и внутреннее самосопротивление становятся не просто темами, но структурными принципами. Эти принципы требуют комплексного анализа, сочетающего философский, текстологический и литературоведческий подходы.

Исследования творчества Чёрана интенсивно развиваются начиная с конца 1990-х годов, особенно во франкоязычном и румыноязычном академическом контексте. По нашим наблюдениям существуют четыре основных направления.

Философский анализ сосредоточен на связи с традицией нигилизма (П. Боллон¹, О. Демарс², А. Стойка³), на его метафизике пессимизма («ликующий пессимизм»), скепсисе, критике истины («перспективы гротеска») и религиозных структур. Однако Чёран почти никогда не выстраивает системную онтологию или эпистемологию — это делает его философию особенно уязвимой к редукциям, но и открытой к поэтической герменевтике.

Психоаналитические и психобиографические подходы (В. Протопопеску⁴) выявляют нарративы травмы, депрессии и мистического искушения, часто оставаясь в пределах психоаналитического дискурса, не включая в анализ генетику письма или стиль как философскую стратегию.

Политический контекст активно изучается в трудах М. Петреу⁵, А. Линель-Лавастин⁶ также у П. Боллона. На первый план выходит спор о «румунском периоде» и его фашистских симпатиях. Однако этот ракурс нередко подменяет структурный анализ поэтики апологетикой или обвинением, оставляя нераскрытым вопрос о трансформации политического в литературное.

¹ Bollon P. *Cioran l'hérétique*, Paris: Gallimard, 1997. — P. 307.

² Demars, Aurélien. *Le pessimisme jubilatoire de Cioran: enquête sur un paradigme métaphysique négatif* [Ликующий пессимизм Чёрана: исследование негативной метафизической парадигмы, фр]. — Lyon 3, 2007. — P. 582.

³ Stoica A. *Retorica paradoxului în opera lui Emil Cioran* [Риторика парадокса в творчестве Эмиля Чёрана]: teză de doctorat în filologie. — Cluj-Napoca: Universitatea «Babeş-Bolyai», 2015. — P. 180.

⁴ Protopopescu V. *Aspecte psihanalitice în opera lui Emil Cioran* [Психоаналитические аспекты в творчестве Эмиля Чёрана]: teză de doctorat în filosofie. — Bucureşti: Universitatea din Bucureşti, 2001. — P. 400; Protopopescu V. *Cioran în oglindă. Încercare de psihanaliză*. — Bucureşti: TREI, 2003. — P. 232.

⁵ Petreu M. *An Infamous Past: E.M. Cioran and the Rise of Fascism in Romania*. Chicago: Ivan R. Dee, 2005. — P. 332; Petreu M. *Despre bolile filosofilor: Cioran*. — Bucureşti: Polirom, 2008. — P. 128; Petreu M. *Diavolul si ucenicul sau, Nae Ionescu — Mihail Sebastian*. — Iaşi; Bucureşti: Polirom, 2016. — P. 504.

⁶ Линель-Лавастин А. *Забывтый фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран*. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — С. 529.

Литературно-стилистические исследования (например, О. Шевалье⁷, Д. Барон⁸) анализируют афористику и интертекстуальность, но, как правило, не затрагивают вопрос о генезисе письма — о черновиках, о переходе между языками, о том, как текст распадается в самом процессе своего становления.

Биография Чёрана прекрасно раскрыта (как антитезис концепции «смерть автора») румыно-американской переводчицей и биографом Чёрана И. Зарифополь-Джонстон⁹, она полна благожелательных, дружеских и глубоких психологических наблюдений.

В то же время остаются значительные лакуны: отсутствие комплексного анализа генетической эволюции стиля при переходе с румынского на французский. Недостаточная интерпретация дневников и писем как текстов-откровений, формирующих экзистенциальную и поэтическую позицию, где Чёран предстает в неприкрытой искренности без масок и поз. Отсутствие значимых попыток прочтения Чёрана через призму поэтики фрагментации — как стратегии письма, а не только как тематического выбора.

Русскоязычный сегмент исследования наследия Чёрана до последнего времени ограничивался переводом с французского на русский десяти его работ (перевод фрагментов «Дневника» мы не можем считать за его полноценную передачу¹⁰), предисловий к ним и нескольких статей (в основном поверхностного, компилятивного ха-

⁷ Chevalier, Olivier. Une lecture rhétorico-syntaxique des aphorisms en français de Cioran [Риторико-синтаксическое прочтение французских афоризмов Чёрана, фр]. — Paris 4, 1999. — P. 347.

⁸ Baron, Dumitra. Les matériaux intertextuels anglo-américains dans l'oeuvre de Cioran [Англо-американские интертекстуальные материалы в творчестве Чёрана, фр]. — Nice, 2006. — P. 375.

⁹ Zarifopol-Johnston I. Searching for Cioran / Ed. by K.R. Johnston; Foreword by M. Calinescu. — Bloomington: Indiana University Press, 2009. — P. 312.

¹⁰ Мы взяли на себя задачу устранения этой лакуны, уже переведены: Чёран Э. Черный дневник (1957–1972). Изд. в четырех томах. Том I (1957–1964) / Пер. с фр. Р.С. Гранин. М.: Тотенбург, 2025. — С. 382; Чёран Э. Черный дневник (1957–1972). Том II (1965–1967). Пер. с фр. Р.С. Гранин. М.: Тотенбург, 2025. — С. 438.

рактера). Нет ни одной диссертации (ни кандидатской, ни докторской), посвященной Чёрану. Первая научная монография, вышла в 2024 году за нашим авторством¹¹. Также до недавнего времени не существовало ни одного перевода на русский язык семи румынских текстов Чёрана, мы методично закрываем эту лакуну¹². В наших планах также перевод и издание ранних статей румынского периода¹³, переписки с родными и близкими¹⁴, франкоязычных интервью¹⁵.

Новизна и задачи нашего исследования — представить поэтику Чёрана как пространство трех взаимосвязанных процессов: деконструкции автора, генезиса текста и декомпозиции стиля, представляющих собой субъект философского дискурса, Мы исследуем, как Чёран методично устраняет свою «субъектность» — в интервью, письмах, дневниках — и как эта самодеконструкция становится условием его письма. При генетическом анализе текстов: внимание к рукописям, черновикам, параллельным версиям (румынским и французским), эпистолярным фрагментам позволяет реконструировать не просто историю сочинения, но структуру колебаний, отказов, ретушей, переписываний, палимпсестов (S. Massias¹⁶) — своего рода археологию отрицания. Декомпозиция стиля рассматривается не как распад, но как метод. Мы анали-

¹¹ Гранин Р.С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — С. 126.

¹² Чёран Э. На вершинах отчаяния / Пер. с рум. Р.С. Гранин. М.: Тотенбург, 2025. — С. 176; Чёран Э. Преображение Румынии / Пер. с рум. и фр. Р.С. Гранин. М.: Тотенбург, 2024. — С. 352; Чёран Э. Из Франции / пер. с рум. и фр. Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025. — [в печати].

¹³ Cioran E. Revelațiile durerii [Откровения боли]. Cluj: Editura Echinoc, 1990. — P. 202. [сборник статей 1932–1940 гг.]

¹⁴ Cioran E. Scrisori către cei de-acasă [Письма к тем, кто дома] / Stabilirea și transcrierea textelor: Gabriel Liiceanu, Theodor Enescu; trad. Din fr.: Tania Radu; ed., note și indici: Dan C. Mihăilescu. — București: Humanitas, 2004. — P. 376.

¹⁵ Cioran. Entretiens [Интервью]. — Paris: Gallimard (coll. «Arcades»), 1995. — P. 319.

¹⁶ Massias S. Les Cahiers de Cioran: une oeuvre palimpseste // Genesis, 2017. № 45. — P. 193–200.

зируем, как афоризм, парадокс и абсурд; самоповтор и перефразировка; ирония и самоирония; смех и улыбка становятся стилевыми формами метафизического сопротивления завершенности.

Исследование опирается в первую очередь на интердисциплинарную методологию — сочетание генетической критики (N. Cavallès¹⁷), текстологического анализа и философской герменевтики (L. Chatelet¹⁸), а также методов, близких к деконструктивистским подходам к авторству (Р. Барт, Ж. Делёз, П.-Ф. Гваттари). Особое внимание уделяется корпусу «не-философских» текстов: тетрадней (Cahiers), переписке (Scrisori către cei de-acasă), интервью (в том числе многоязычным), где происходит смещение от автора к экзистенциальной позиции, от целостного «я» к антикартезианской множественности.

Методологические стратегии исследования

Настоящая работа строится на синтезе нескольких методологических стратегий, позволяющих раскрыть специфику поэтики Эмиля Чёрана — авторскую деконструкцию («самоубийство автора»), генезис текста (генетический анализ предтекста — «генетическое досье») и деконструкцию (разложение) его стиля. Чёрановский текст — все его тексты — метатекст, существует на границе философии, литературы, психоанализа (исповеди без покаяния), что требует особого внимания к его дискурсивным стратегиям. В исследовании применяется дискурс-анализ, позволяющий выявить: механизмы самоуст-

¹⁷ Cavallès, Nicolas. Suicide, Décomposition, Corruption: génèse et dialogisme du Précis de Décomposition de Cioran [Самоубийство, распад, разложение: генезис и диалогизм Чёрана, фр]. — Lyon 3, 2007. — P. 593.

¹⁸ Chatelet, Lauralie. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture [Чёран, частный мыслитель, вынужденный писать, фр]. — Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020. — P. 461.

ранения автора (отказ от целостного «я», переход к безличному письму, игра с псевдонимами и «литературными аватарами»); дискурс фрагмента (афоризм, парадокс, незавершенность как принцип); поэтику молчания (разрывы, умолчания, жесты отказа от высказывания); интертекстуальные связи (диалогическое чтение, диалог с читателем автора как «частного мыслителя», дневниковые солилокви). Особое значение имеет деконструктивистский подход (в духе Р. Барта, Ж. Дерриды), рассматривающий метатекст Чёрана как поле смысловых сдвигов, где автор не утверждает, а размывает свою позицию.

Поскольку Чёран постоянно переписывал, редактировал и «отрицал» собственные тексты, ключевым методом стал генетический анализ, генетическая критика текста (Н. Кавайес), исследующий: черновики и редакции (сравнение румынских и французских версий, анализ правок, свидетельствующих о стилистической и смысловой эволюции); палимпсестность письма (Сильвия Массиас¹⁹) — наслоение смыслов, переработка одних и тех же тем в разных контекстах²⁰; архивные материалы (дневники, письма, маргиналии, раскрывающие «лабораторию» автора).

Этот подход позволяет показать, как текст Чёрана не создается, а разлагается в процессе письма — от ранних экспрессивных форм к позднему «белому» письму (Чёран доводил до отчаяния переводчиков своих ранних текстов тем, что мог сократить свой изначальный текст на треть, делая это с видом победителя).

Текстологический анализ: декомпозиция стиля у Чёрана — не статичная система, а процесс распада, что требует микроанализа языковых структур: ритм и синтаксис (короткие фразы, инверсии, намеренные сбои); лекси-

¹⁹ Сильвия Массиас (Sylvia Massias) — профессор литературы; работала в литературной библиотеке Жака Дусе, где она занималась фондом Чёрана с 1995 по 1999 год.

²⁰ Sylvia Massias. Les Cahiers de Cioran: une oeuvre palimpseste // Genesis, 2017. № 45. — P. 193–200.

ческие повторы (навязчивые образы — падение, бессонница, разложение); жанровая гибридность (слияние эссе, афоризма, дневника, исповеди); переход между языками (румынский — французский как смена поэтики: от лирического надрыва к лаконичному отчаянию). Такой анализ демонстрирует, что распад стиля — не недостаток, а философский и эстетический жест.

Каждый из этих методов не работает изолированно: дискурс-анализ раскрывает стратегии исчезновения автора, генетическая критика показывает, как текст рождается через самоотрицание, а текстологический разбор фиксирует моменты его распада. Вместе они позволяют увидеть, что поэтика Чёрана — не просто совокупность приемов, а акт сопротивления языку, форме и самому себе, парадоксально обнаруживая, что главная черта поэтики Чёрана — целостность.

ГЛАВА I

ЭМИЛЬ [М.] Ч[Ё]РА́Н: АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

1.1 К генеалогии рода

*«Страдать — значит иметь судьбу...
Судьба есть только у тех, кто воплощает форму,
выражение единственного способа бытия».*

*«Ни одна ведьма не сможет околдовать или исцелить меня.
Я изгой. Что такое судьба, если не изгнание из самого сердца бытия?»*

Культовый румыно-французский философ Эмиль Чёран (рум. Emil Cioran, 1911–1995) родился 8 апреля 1911 года в живописной трансильванской коммуне Рэшинарь²¹ (рум. Rășinari) в южных Карпатах, в десяти километрах от старинного саксонского города Сибиу²² (рум. Sibiu [si'biw]); Германштадт (нем. Hermannstadt); Надьсебен (венг. Nagyszeben); серб. Сибиь), который на тот момент входил в состав Австро-венгерской империи, административно подчиняясь Венгрии.

Трансильвания — географический регион, расположенный на высоком плато с густыми лесами, широкими мелководными реками, замкнутый в широкое кольцо, образованное оконечностью Южных Карпат. Трансиль-

²¹ Поскольку «i» на конце румынских слов в позиции после согласного не имеет звука, но орфографически показывает смягчение предыдущего согласного, то мы будем записывать этот топоним по-русски как Рэшинарь.

²² В средние века освоение региона началось в XI веке, когда первый венгерский король Иштван I Святой (970/975–1038, король с 1000/1001) позвал немецких колонистов (преимущественно из Мозельской долины юго-запада Германии) для охраны своих юго-восточных границ от татар, которые поселились вдоль Трансильванских Альп. Традиционно венгры называли всех немцев саксами, так за трансильванскими немецкими колонистами закрепилось название саксы.

вания занимает территорию римской провинции Дакия Феликс (лат. *Daciei Felix*, Счастливая Дакия). Фракийская основа и романизированный славянский субстрат на всей территории Трансильвании, Валахии и Молдавии — территориях исторической (Большой) Румынии — были различными (Румынию называют романским островом в славянском море). Фракийская основа на территории Валахии — даки, в Молдавии — геты; славянский субстрат на территории Валахии — южнославянские племена (болгары), в Молдавии — восточные славяне (русины). В Банате и Трансильванских Альпах романское население было более значительным. На территории Валахии и Молдавии в III веке романский элемент исчез. Таким образом, повторная (после XIII века) романизация славяно-влашского населения Валахии и Молдавии шла уже не с юга, а из Трансильвании. С X века византийские, славянские, а затем и венгерские источники упоминают народ под названием «влахи», «волохи» (ср.-греч. βλάχοι) к югу от Дуная и лишь с XIII века на территории древней Дакии, то есть на левом берегу Дуная²³.

Отец Эмиля — Эмилиан (Эмиль) Чёран (рум. *Emilian Cioran*; род. 30 октября 1884—18 декабря 1957) — православный священник в Рэшинари (с 1924 года — протоиерей (по-румынски — «protorop») города Сибиу, а позже советник митрополита). Его именем названа улица в родной Рэшинари — «Str[ada] protorop Emil Cioran» («Ул. протопопа Эмиля Чёрана»)

Мать Эмиля Чёрана, Эльвира (урожденная) Команичиу (рум. *Elvira Comănițiu*; 1888 — 18 октября 1966), происходит из старинного рода священников и мелких трансильванских дворян из близлежащей области Фэгэраш (рум. *Făgăraș*), расположенной в шестидесяти километрах к востоку от Сибиу в Карпатских горах. Дворян-

²³ Электронный ресурс. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Румыны> (дата обращения: 27.10.2024).

ская грамота, датированная 1628 годом (и обновленная в 1831 году), свидетельствовала о присвоении семье Команичиу титула баронов [Германской] империи (в практике германских государств — Священной Римской империи), и подтверждала их привилегии и владение землей в деревне Венеция-де-Жос (Нижняя Венеция). Эльвира была дочерью Георгия Команичиу (рум. Gheorghe Comanicîu), известного в народе как «барон», районного нотариуса, основателя банка «Венециана» и президента Центральной православной гимназии села Венеция. Мать Эльвиры — Елизавета Мосойу (рум. Elisabeta Mosoiu), была дочерью священника²⁴. Эльвира Чёран, как жена священника и руководитель различных женских организаций, участвующая в национальном движении, была уважаемым и любимым гражданином Рэшинари.

Семья Чёранов происходит от Букура Чёрану (Vucur Cioranu, род. 1825), который после смерти оставил своим четырем сыновьям четыре дома, девять виноградников, сенокосное поле и 140 овец²⁵. Один из сыновей Букура, Коман Чёран, прадед Эмиля, в середине XIX века сколотил состояние на торговле овцами [это имеет отношение к фамилии Чёран, как мы покажем ниже], оставив семье 161503 флоринов (больше миллиона по современным меркам)²⁶. Он был настолько богат, что выступал в роли банкира для румын Рэшинари, которым немецкие банки Сибиу обычно отказывали в кредите. Однажды он одолжил 2000 флоринов Андрею Шагуне (1808–1873, в миру барон Анастасий Шагуна), румынскому православному священнику, герою борьбы за румынскую политическую и культурную идентичность в Трансильвании.

²⁴ Zarifopol-Johnston I. Searching for Cioran / Ed. by K.R. Johnston; Foreword by M. Calinescu. — Bloomington: Indiana University Press, 2009. — P. 34.

²⁵ Rădulescu M.S. Genealogii. Bucuresti: Vremea, 2014. — P. 34.

²⁶ Zarifopol-Johnston I. Searching for Cioran / Ed. by K.R. Johnston; Foreword by M. Calinescu. — Bloomington: Indiana University Press, 2009. — P. 29.

Помимо авторитета богатства, семья Чёранов обладала и культурным престижем, связанным с образованием, столь важным в Трансильвании, где румыны составляли неграмотное большинство, и не было, как такового аристократического румынского сословия, поэтому его заменяли образованные люди, «умные люди» (рум. *inteligenti*). Многие члены семьи были священниками или учителями, некоторые инженерами, банкирами, врачами и дипломатами²⁷. Чёраны через брачные связи состояли в родстве с рядом других известных семей Трансильвании: историком Петру Майором²⁸, поэтом и политиком Октавианом Гога²⁹, педагогом Онисифором Гибу³⁰.

Были люди в Рэшинари, родством с которыми Чёраны гордились особенно. Шербан (*Şerban*) и Станка Чёран приходились дедушкой и бабушкой Эмиля Чёрана. «Тетка Станка», как ее называли в семье другие родственники, происходила из рэшинарьской элиты — известной семьи Барчану (рум. *Barcianu*). В ее роду были священники, литераторы, политики. Чёраны не только были родственниками Барчану, они видели в них свой собственный идеал преданности делу нации. Эмилиан Чёран, всегда интересовавшийся историей этой семьи, и за год до своей смерти в 1956-ом году закончил посвященную им книгу «Семь поколений священников, протоиереев,

²⁷ Ibid. P. 31.

²⁸ Петру Майор (рум. *Petru Maior*, 1761–1821) — румынский теолог, историк и лингвист, греко-католический священник, один из главных деятелей и идеологов национального возрождения румын. Активный участник «Арделянской школы» (рум. *Şcoala Ardeleană*), политического и культурно-языкового движения греко-католической румынской интеллигенции среди иезуитов и униатов на территории австро-венгерской Трансильвании. Арделянская школа (Трансильвания по-венгерски *Erdély*) — также Трансильванская школа, Семиградская школа, Латинская школа.

²⁹ Октавиан Гога (рум. *Octavian Goga*, 1881–1938) — румынский поэт, драматург, академик, ультраправый политический деятель, премьер-министр Румынии с 28 декабря 1937 по 11 февраля 1938. Действительный член Румынской Академии (1919).

³⁰ Онисифор Гибу (рум. *Onisifor Ghibu*, 1883–1972) — румынский деятель культуры, философ, историк, профессор, член-корреспондент Румынской Академии.

профессоров из одной семьи Барчану. 1699–1903»³¹. В коммунистической Румынии такая классово-чуждая книга не могла быть издана, ее уже за свой счет опубликует его младший сын Аурел в 1991 году в городе Сибиу.

1.2 О латинском имени Эмиль

Как и все другие румыны, родившиеся в Трансильвании перед Первой мировой войной, Чёраны с самого рождения столкнулся с «проблемой идентичности», которая была экзистенциальной в прямом смысле слова, поскольку была связана с выживанием румынской нации. Эмиль(-иан) — не традиционное румынское крестьянское имя. Эмиль — французская форма латинского *Aemilius* — родовое имя в Древнем Риме. Это латинское имя, как и его старшей сестры Вирджинии, и младшего брата Аурелиана, выбранно родителями, чтобы подчеркнуть римское происхождение. Румыны называют себя ромеями — потомками римских колонизаторов славянской Дакии. Выбор римского имени для румынского ребенка в многонациональной Трансильвании Австро-Венгерской империи был политическим заявлением. Как и многие другие дети образованных румын, дети Чёранов получили имена, которые должны были, во-первых, подтвердить латинское происхождение румынского народа в противовес нелатинскому происхождению других национальностей региона — венгров и немцев, а во-вторых, указать на то, что, будучи потомками римлян, первоначальных колонизаторов провинции, румыны имеют больше прав на существование на ее территории, чем другие народы, прибывшие позже, в Средние века. Таким образом, имя Чёрана уже дважды маркирует новорожденного, наделяя его раз-

³¹ Cioran E. Șapte generații de preoți și protopopi-profesori din aceeași familie: Barcianu. 1699–1903. — Sibiu, 1991.

двоенной идентичностью. Как римское имя, оно манифестирует, что он сын или гражданин Рима, возводя его генеалогию к благородному происхождению. В противоположность этому (невольно), как румынское имя, оно подчеркивает его маргинальное положение в чужой Австро-Венгерской империи, где румыны не обладают равенством прав с австрийцами, венграми и немцами, а являются лишь «терпимой нацией»³².

1.3 Этимология фамилии: почему допустимо и предпочтительно написание Ч[ѣ]ра́н через безударную «ѣ»?

В румынском языке звук [tʃ] передается на письме буквосочетанием «сі», в котором буква і используется только для смягчения предыдущего согласного и не имеет собственного гласного звука. Следовательно, буквосочетание «іо»³³ в фамилии Cioran обусловлено правилами румынской орфографии, и целиком слово произносится как [tʃo'ran]. Также транскрипция фамилии может быть представлена и кириллицей [Чо'ран]. Во французском произношении фамилия звучит как [sjo'vã], что связано с особенностями французской фонетики. Для передачи произношения фамилии на французский манер уместно транслитерировать именно как Сьоран или Сиоран. Обращаем внимание, что приведение русской буквы «ѣ» для

³² Zarifopol-Johnston I. Searching for Cioran / Ed. by K.R. Johnston; Foreword by M. Calinescu. — Bloomington: Indiana University Press, 2009. — P. 28.

³³ В румынской кириллице до реформ 1830–1850-х годов, когда румынская письменность была переведена на латиницу, звук [jo] передавался сочетанием «іо», что сохранилось и в современной орфографии. (Валахо-молдавская азбука, старорумынская кириллица, молдавская кириллица, древне-молдавский шрифт, старомолдавская кириллица, влахо-славянская азбука, романокриллица, молдаво-валашское письмо, азбука влахо-молдавских рукописей, румынская кириллица). Кириллический алфавит, схожий с церковнославянской письменностью, использовался для румынского (старорумынского) языка в Валашском, Трансильванском и Молдавском княжестве до первой половины XIX века.

описания именно произношения было бы некорректно, как как это уникальная графема русского языка, не имеющая точного соответствия в румынской фонологии. Однако на письме правила орфографии русского языка позволяют написание этой фамилии через букву «ё». Далее будут приведены исчерпывающие аргументы в пользу исключительно такого написания.

По мнению специалиста по румынской генеалогии Михая Рэдулеску, корень «сіог-» в фамилии может быть заимствованием от славянского «сѣгн-» — «черный», через староболгарский или южнославянские диалекты, особенно учитывая, что многие румынские фамилии восходят к прозвищам, отражающим внешний вид («черный», «темный»), к названиям животных (ворон, бык, черная овца), а также к этническим или цветовым прилагательным. В Трансильвании слово применялось к черным овцам (и их пастухам), которые зимой уходили далеко за Карпаты, иногда до Крыма (как мы помним, предки Чёрана разводили овец).

Таким образом, корень «сіог-» вполне может восходить к старославянскому «сѣгн- / сѣгн-», к праславянской форме слова «черный» — «сѣгъ»; болг. — черен, серб. — црн, рус. — черный, укр. — чорний; в староболгарском/церковнославянском — чрънь. В румынском и балканском ономастиконе³⁴ встречаются фамилии и топонимы, производные от славянского корня: Сіогănescu — патронимическая форма, «сын Чёрана»; Сіогоіу — фамилия и топоним, возможно от сіогоі / сіоагă (в румынском — ворон, черная птица); Сіогăнія, Сіогани — деревни в Румынии. Возможная этимологическая формула: славянский

³⁴ Именослѡв (ономастикѡн) — совокупность собственных имен в каком-либо языке, у отдельного народа, на какой-то очерченной территории. Системы собственных имен изучаются ономастикой. Под ономастиконами также понимаются различные словари собственных имен. Иногда, в узком смысле, под именословом подразумевается реестр личных имен, то есть антропонимия.

«щогпъ» (черный) → южнославянское «щоган» → румынское «Cioḡan». Таким образом, фамилия Чёран (Cioran) вполне вероятно имеет славянское происхождение, связанное с корнем «черный», через историческое заимствование и трансформацию в румынском языке. Это типичный пример ономастической гибридности в трансильванской мультикультурной среде, где пересекаются румынская, славянская и венгерская традиции³⁵.

В румынском языке слово «cíoagă» означает ворона (черная птица), смуглый, черненький³⁶. Ворона — это часто метафора инаковости (аналог белой вороны в русском языке, но с более мрачными коннотациями). «Cioḡoi» — грубоватая форма (в арго — цыган): черный самец птицы, часто с презрительной коннотацией. В самой фамилии потенциально зашифрована семантика «черного» как инаковости, мрака, негативного исключения.

Также в румынской, как и в европейской культуре, существует универсальный и устойчивый образ «черной овцы», фр. — «la brebis poire». Это — культурная метафора — символ отверженного, инакового, непокорного, того, кто не вписывается в нормы семьи, общества, нации, противоположность «белой овце» — послушному и нормальному члену стада. Как отмечает биограф Чёранов Илинка Зарифополь-Джонстон, что если о ком-то из Чёранов и можно сказать, что он выполнил судьбу своей этимологии, так это об Эмиле Чёране, которого можно назвать «черной овцой» в полной мере³⁷. Связь между фамилией Чёран и образом «черной овцы» — метафорически и символически вполне обоснована. Это не только игра корней (cior- — щогпъ-), но и глубокая фигура экзи-

³⁵ Rădulescu M.S. Despre genealogia lui Emil Cioran // Genealogii / Editie revazuta. — Bucuresti: Vremea, 2018. — P. 129–134.

³⁶ Dicționar rus-român, român-rus. — Ch.: F.E.-P. «Tipogr. Centrală». — 2004. — P. 488.

³⁷ Zarifopol-Johnston I. Searching for Cioran / Ed. by K.R. Johnston; Foreword by M. Calinescu. — Bloomington: Indiana University Press, 2009. — P. 28.

стенциальной инаковости, которую сам Эмиль Чёран принял как судьбу и превратил в духовный стиль. Он играл эту роль и в культуре Румынии, и во французской интеллектуальной среде, выступая: антипророком своего народа — критиком румынской ментальности и национализма; антифилософом среди философов — разрушителем систем, отвергавшим истину и надежду; атеистическим мистиком — богоборцем, одержимым Богом. Что делает его экзистенциальной «черной овцой» — не только среди современников, но и в ряду всей европейской мысли.

Таким образом, написание фамилии Cioran как Чёран (Чёр[ный]) грамматически вполне обосновано. Обосновано оно и с точки зрения безударности «ё». Так, например, фамилии его земляков с Балкан — сербо-венгерского поэта Шандора Пётёфи³⁸ и венгерского математика Пала Эрдёша³⁹ — передаются через безударную «ё», как и фамилия японского императора Ёсихито⁴⁰. Также «ё» в безударной позиции встречается при заимствовании некоторых иностранных слов (сегун, серфингист); в двухкорневых словах («трёх-», «четырёх-»); лёссовидный; Кёнигсбёрг. В словах «гётит» и «ёфика́тор». Используется «ё» в безударной позиции также в некоторых северных и среднерусских наречиях (вы́нёс, селó, о́зеро, цвёту́т).

Почему, на наш взгляд, предпочтительно именно такое начертание (против используемых сегодня Чоран или Сиоран) фамилии Чёран?

³⁸ Шандор Пётёфи (венг. Petőfi Sándor [ˈpetø:fi ˈʃa:ndor]; настоящее имя — сербское — Александар Петровић; 1823–1849) — национальный поэт Венгрии, один из руководителей Революции 1848–1849 гг. в Венгрии. Будучи сербом, был венгерским патриотом, горячо любящим Венгрию.

³⁹ Пал Эрдёш (венг. Erdős Pál; встречаются варианты написания Paul Erdős, Paul Erdos; 1913–1996) — венгерский математик, работал в разных областях современной математики: комбинаторика, теория графов, теория чисел, математический анализ, теория приближений, теория множеств и теория вероятностей. Лауреат множества математических наград, включая премию Вольфа (1983/1984). Основатель премии Эрдёша.

⁴⁰ Ёсихито (1879–1926) — 123-й император Японии. Период его правления (1912–1926) называется периодом Тайсе.

Во-первых, оно информативнее для русского глаза, так как отсылает к славянскому слову «чёрный» — этимология определяет семантику.

Во-вторых, это «культурно-политический» и «идеологический» вопрос. Такое написание манифестирует и маркирует славянскую этимологию фамилии философа, а возможно, и славянскую генеалогию его рода.

В-третьих, что перекликается со вторым, использование уникальной русской буквы «ё» символически отражает особую теплую связь философа с Россией. И ему могло польстить такое написание его фамилии на русском языке, ведь Чёран был русофилом. Он восхищался великой русской литературой (Гоголем, Толстым, Блоком, Ахматовой, Буниным, его любимый автор — Достоевский): «Как близки мне русские писатели, как я их понимаю! О том, что я происхожу от них, свидетельствует мое лицо, а также глубочайшая дрожь. Та же потребность потерять точку опоры, опьянеть от головокружения, покатиться от избытка чувств, тот же болезненный, напряженный дурной вкус»⁴¹. Его интересовала русская религиозная философия (Соловьев, Шестов, Мережковский, Бердяев): «Как объяснить мою давнюю страсть к русской религиозной философии? Это форма мысли, содержание которой мне не подходит, которой я не придерживаюсь, и все же она очаровывает меня, как все экстремальное, авантюрное и непроверяемое»⁴². Завораживало русское православие: «На Пасху служба передавалась из Загорска. Необыкновенно! Наше православие ничтожно и плачевно рядом с православием наших соседей. Вопрос темперамента. Наш слишком анемичен, слишком избыточен чтобы хоть как-то засиять»⁴³; «Впервые в жизни я почувст-

⁴¹ Cioran. Cahiers. 1957–1972. / Avant-propos de Simone Boué. — Paris: Gallimard, 1997. — P. 882–883.

⁴² Ibid. P. 858.

⁴³ «Письма родным и близким», письмо брату Релу [Письмо № 323], (Cioran. Scrisori către cei de-acasă / Stabilirea și transcrierea textelor de Gabriel Liiceanu și

вовал гордость за то, что я православный»⁴⁴; «Слушать русскую православную музыку по радио — это ошеломляюще, глубоко и возвышенно. Она пробирает до слез»⁴⁵. Любовь к России и русской культуре не сводится у Чёрана только к сентиментальному русофильству, это скорее трепетный «религиозный» интерес к чему-то большому, страшному и таинственному: «Россия! Я испытываю глубокое влечение к этой стране, которая разрушила мою собственную»⁴⁶; «Ах, эти русские — как они мне близки!»⁴⁷; «Ничто русское мне не чуждо»⁴⁸; «Это вновь пробудило мою страсть к России»⁴⁹. Эти размышления часто ироничны, саркастичны и гротескны, они полны едких парадоксальности и абсурда: «Россия — “пустая нация”, говорил Достоевский. Так было, так уже нет, увы!»⁵⁰; «После Гоголя Достоевский — величайший сатирический гений России»⁵¹; «Единственная надежда — это русские, которые знают, как “поставить нас на колени” навсегда»⁵²; «Россия, может быть, и не завоеватель, но ее привлекает пустота Запада, и однажды она может не устоять перед соблазном заполнить ее»⁵³; «Говорят, что святых в России больше, чем честных людей»⁵⁴.

Theodor Enescu. Traduceri din franceză de Tania Radu. Editie, note si indici de Dan C. Mihalescu. Bucuresti: Humanitas, 2004. — P. 389).

⁴⁴ Cioran. Cahiers. 1957–1972. — P. 413.

⁴⁵ Ibid. P. 705.

⁴⁶ Ibid. P. 21.

⁴⁷ Ibid. P. 22.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid. P. 521.

⁵⁰ Ibid. P. 21.

⁵¹ Ibid. P. 877.

⁵² Ibid. P. 813.

⁵³ Ibid. P. 632.

⁵⁴ Ibid. P. 848.

1.4 О пустом знаке инициала «М»

Поселившись в Париже⁵⁵, молодой философ начал произносить свою фамилию на французский манер — Сиоран (Съоран, фр. [sjɔʁɑ̃]), так как «Чёран» звучало слишком мягко для его жестких произведений. Также он стал подписываться «E.M. Cioran», так как обнаружил, что французское восприятие имени «Эмиль» сводило его к «имени парикмахера». Само это новое имя иллюстрирует чёрановский парадокс. Это гибрид, частично выдуманное имя. Инициалы Э.М. означают не Эмиль Мишель, как его ошибочно расшифровывают (в том числе и в некоторых русских переводах, так даже значится в указателе Библиотеки Конгресса США), а просто Э.М., как у Э.М. Форстера, любимого писателя философа. Накануне своего французского дебюта Чёран превратил первые две буквы своего имени ЭМиль в два инициала, отсылающие к английскому писателю. Таким путем Чёран раскрыл и свои писательские амбиции, отождествив себя с известным писателем, и показал свою биографическую двусмысленность. Позже Эмиль Чёран так вспоминал этот эпизод: прогуливаясь по книжному магазину Галиньяни,

⁵⁵ В 1937 году Эмиль Чёран получает стипендию Французского института в Бухаресте для обучения в Сорбонне в Париже (на два учебных года: 1937–1938 и 1938–1939). В заявлении, поданном в Институт в 1937 году, целью стипендии указывается завершение работы над его докторской диссертацией. Ее тема варьировалась со временем: сначала предполагалось писать об экстазе и интуиции, и о родстве Плотина — Мейстера Экхарта — Анри Бергсона; затем Чёран обращается к Ницше и Кьеркегору, чтобы, наконец, заняться антагонизмом между сознанием и жизнью у Ницше (*Cahier Emil Cioran / Cahiers de L'Herne*. — Paris: L'Herne, 2009. — P. 143). Но к этой работе он даже не притронется. Он поступил в Сорбонну, но не собирался посещать лекции или следовать учебному курсу. Его интересовало совершенно другое. Чёран называл себя «университетским паразитом», который должен оставаться студентом как можно дольше, чтобы пользоваться материальными преимуществами, которые дает этот статус, в частности, правом питаться в университетской столовой. Он

очень уважаемому в Париже в области английской литературы, он увидел имя Э.М. Форстера, написанное на обложке книги, и подумал, что эти привлекательные инициалы достойны писателя. Решив подписаться именем Э.М. Чёран, он собирался ввести в заблуждение авторов справочных работ, таких как словарь Ларусса, которые, создав новую статью для «Чёрана», придумали для него второе имя, чтобы объяснить инициал М., и поэтому называли его «Эмиль Мишель Чёран». Чёран никогда не собирался жаловаться на эти ошибки и впоследствии обнаружил и другие в исследованиях, которые предполагали, например, что его (ложное) второе имя было галлицизмом, взятым из его румынского второго имени «Эмиль Михай Чёран»⁵⁶. Используя обычные буквы своего румынского имени, он возвел их в ранг знаменитых инициалов. Так неизвестный автор с окраины Европы, нашел элементы для создания новой авторской личности. Эмиль, румын, трансильванец, превратился в загадочного Э.М. и этим актом крестильного сокращения переосмыслил себя как «цивилизованного» западноевропейского автора. «М» — это просто «М». Начиная с 1987 года Чёран убирает инициалы из своего имени и подписывается просто Cioran, ставя себя в один ряд с великими: Руссо, Дидро, Ницше, Кьеркегором, Камю, Сартром.

Мы несколько хронологически забежали вперед, что считаем оправданным для закрытия всех ономастических вопросов, связанных авторским именем «Э.М. Чёран». Уточним лишь, что если использовать инициал «М.», то только вместе с инициалом «Э.» — они образуют неразрывную пару «Э.М.» как часть писательского

широко пользовался этой возможностью, пока его ее не лишили в 1950 году (Cahier Emil Cioran / Cahiers de L'Herne. — Paris: L'Herne, 2009. — P. 429).

⁵⁶ Ivry B. Cioran intime [Электронный ресурс]: <https://bibliobs.nouvelobs.com/documents/20120423.OBS6884/cioran-intime.html> (дата обращения: 27.10.2024).

псевдонима. Поэтому либо «Э.М. Чёран», либо «Эмиль Чёран», но никак не «Эмиль М. Чёран» и уж тем более не «Эмиль Мишель Чёран».

В заключение напомним, что Эмиль Чёран по матери происходит из баронского рода, а по отцу — вполне мог иметь славянскую кровь, и был при этом русофилом.